
УДК 1.001:371.34:301(~)

 <http://dx.doi.org/10.26739/2181-9505-2018-1-15>

Урманбетова Жылдыз, (Бишкек, Киргизистан)

КУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: ГЛОБАЛЬНЫЙ, РЕГИОНАЛЬНЫЙ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ УРОВНИ

Аннотация. В современном мире проблема идентичности приобретает все большую актуальность. Ибо, с одной стороны под влиянием глобализации мир идёт на пути интеграции культурного пространства, с другой стороны важным фактором является сохранение национальной идентичности. Действительно, проблема идентичности в ракурсе современного бытия выступают на передний план понимания человеческой сущности, государственного строительства и вызовов истории. Культурная составляющая обнаруживает себя во всех видах идентичности, включая гражданскую и национальную, тем самым культура выступает детерминантой развития мира и отдельных государств и народов. Для объёма представления существа развития идентичности современности можно выделить три наиболее важных аспекта: глобальный, региональный и национальный. В связи с этим, в данной статье мы попытаемся проанализировать вопросы идентичности на глобальном, региональном и национальном уровне

Ключевые слова: Центральная Азии, идентичность, глобализация, человеческая цивилизация, технология, универсальные ценности, коммуникация, свобода выбора, пространство.

Глобальная уровень идентичности

Глобальный уровень идентичности даёт представление о наиболее тенденциозных направлениях развития человечества. Учитывая тот факт, что ни один народ, ни одно государство не в состоянии жить изолированно, знание тенденций развития мира человека вооружает, а понимание их позволяет находить баланс в соотношении индивидуального и глобального. Разбожествление пространственных границ в результате коммуникационных технологий привело к формированию нового феномена мира. С одной стороны, мир, как никогда, стал един в смысле приближенности к понятию "общечеловеческая цивилизация": единое пространство и единое время наполнились особым символическим смыслом, отсутствие границ виртуального пространства и высочайшие темпы времени сделали мир более хрупким, и оттого уязвимым. Внешние пределы развития человеческой цивилизации достигли беспрецедентной высоты и масштабов при безграничности внутренних пределов человеческого духа. Сформировалось единое мнемоническое, культурное пространство. Говоря словами К.Ясперса, "Мир замкнулся. Земной шар стал единым. Обнаруживаются новые опасности и возможности. Все существующие проблемы стали мировыми проблемами, ситуация - ситуацией всего человечества" [Ясперс К.1991.].

Возможности таковы, что в мире информационных технологий каждый человек, народ, государство способны приобщиться к достижениям цивилизации, тем самым ощущая свое единство и свою близость с этим миром. Однако именно эти информационно-коммуникационные технологии и рожают опасность: тиражирование достижений науки и культуры делают людей похожими, поскольку формируются единые стандарты. Тем самым поколение современников, подверженное этим стандартам, становится унифицированным. Это есть одновременно и достижение глобализации, и ее опасность для человечества. Мультикультурализм в эпоху глобализации космополитизм (Ф.Фукуяма) привел к обезличиванию безусловных ценностей. С одной стороны, единство мира и человека вообще мыслится высокой степенью развития и определенной гармонии. С другой стороны, эта гармония иллюзорна, поскольку происходит обезличивание самого человека, который превращается в функцию: соблюдается некий набор стандартов, стереотипов и норм существования в едином мире, но при этом исчезает вдохновляющая на созидание и победы индивидуальность. Это ли не парадокс мира?! Хотя при всем при этом мир как был диалектичен, так и остался им и в эпоху прогресса и глобального разума. Как в этом случае расценивать глобализацию? Как объективную тенденцию развития истории и человечества, разворачивающую систему пространственно-временных отношений, или как идеологическую интервенцию неолиберального глобализма?! На мой взгляд, имеет место быть элементы обоих смыслов. В любом случае игнорировать глобальный уровень не представляется возможным.

Вместе с тем рост влияния универсальных ценностей и коммуникационных технологий на сознание людей в качестве реакции обострил процессы идентификации, что позволило теоретикам выдвинуть идею о переходе глобализации в фазу постглобализации. Современная эпоха проявляет себя как ситуативное время (Х.Ортега-и-Гассет). Свобода выбора, его реализация рождает образ общества, систему культуры. Это означает, что возможность приобщения к достижениям мировой цивилизации не уничтожает возможность творить собственный социальный мир. В этом заключается величие истории как пространства возможностей: существующие вызовы исторического времени предполагают наличие различных ответов как реализацию творческой и одновременно социальной сущности человека.

Следствием этого стало обращение различных народов к архетипам культуры в поиске необходимой группы комфорта. В результате постглобализация, как углубление процессов идентификации, и разбожествление пространственных границ, как следствие глобализации, привели к усилению локальных рамок. Это означает, что вопрос "кто мы?" (С.Хантингтон) звучит совершенно по-другому, обозначая ориентир на новый ракурс развития. При этом единство человека и мира не исключает наличие различных вариантов этого единства. Вопрошание человеческой сути в контексте философского вопрошания раскрывает новые аспекты исторического времени при тенденциозности смысловой нагрузки. Это вопрошание усиливается в особые, переломные моменты существования. Именно поэтому, после распада одной из мировых держав, это вопрошание коснулось, как новых субъектов миростроительства, так и других держав. В первую очередь вопрошание касается этнической и культурной составляющих как наиболее

ранних ступеней социализации человека. Этнокультурная память, тем самым, есть по образному определению Д.Лихачева, избавление или избежание духовной невесомости. "Духовная невесомость без культурных "спасательных кругов" может разрушить духовную жизнь человека" [Бакиева Г.А.2000]. Это означает, что духовная невесомость может привести к истощению народа, который не сможет продолжить свой путь в истории. Именно поэтому и необходимо сохранение культурной идентичности, без которой народа как целостности просто не будет. Тем самым глобальный уровень развития человечества предполагает фокусирование на тех моментах человеческого существования, которые более яркое значение принимают на региональном и национальном уровнях.

Региональная уровень

Региональный уровень идентичности выступает связующим звеном в проекции соотношения глобального и национального, позволяя сглаживать вызовы и противоречия глобального мира. Регион представляет свой вариант преломления критериев глобальной культуры в существо определенной историко-территориальной, социальной, политической целостности. Тем самым регион обладает шансом обозначать свой голос на мировой политической арене. В контексте вызовов истории и ответов каждой систем регион занимает промежуточное положение, это некий мост, соединяющий два полюса. Именно регион призван сглаживать острые углы глобализации в желании нивелировать особенности культур и преподнести универсальные ценности в качестве наиболее функциональных для глобального бытия человека в этом мире. Ответ цивилизаций на вызовы истории связан с проблемой сохранения культурной идентичности. Региональный аспект позволяет суммировать национальные оттенки развития в контексте более высокой общности. Вместе с тем региональная идентичность проецирует единство региона, его целостность, возможность и способность оказывать влияние на течение многих мировых тенденций развития.

Регион Центральной Азии до настоящего времени не воспользовался историческим шансом актуализации своей идентичности, на то были свои объективные и субъективные причины. Ответ цивилизаций связан с проблемой сохранения культурной идентичности. В этом смысле регион Центральной Азии проецирует проблемы человеческой судьбы в соответствии со своеобразием истории и культуры определенного географического пространства.

На мой взгляд, возникновение идеи центральноазиатской идентичности условно проходит в два этапа. Первый из них - это период определения региона Центральной Азии в основном внешними игроками, среди которых первыми выступили Соединенные Штаты с проектом "Большая Центральная Азия", который помимо среднеазиатских республик включал в себя еще и Афганистан. Это была исключительно американская фишка, продиктованная их национальными интересами, с акцентом на географический аспект. Прошедшие два десятилетия показывают, что определение региональной идентичности Центральной Азии с подачи внешних игроков довольно безуспешно. Почему? Потому что инициации извне несут с собой другой, внешний взгляд на то, что должно сформироваться изнутри.

Четверть века после обретения суверенитета - приличный срок, период, реализовавший основную идею своего развития - независимость. Одновременно, это срок, когда получены определенные выводы от первых лет вожделенной, но достаточно сложной независимости, которые могут послужить толчком в отсчете нового этапа, по логике вещей более осознанного в действиях и осмысленного в необходимости не просто провоцирования идеи региональной идентичности, но и ее реализации.

Почему имеют смысл попытки определения центральноазиатской идентичности с акцентом на этапы? Потому что в рамках начального этапа, длившегося более двух десятилетий, эта идентичность была обозначена, но не была выработана. Объективным основанием такого утверждения являются хаотичные процессы определения национально-государственной идентичности, которые сопровождали не только центральноазиатские республики, но и все постсоветское пространство. Эта участь коснулась и одного из внешних игроков - Россию, которая также ушла в водоворот событий по определению собственной государственной идентичности. Из поля зрения России в первые годы после развала Союза, образования новых независимых государств и определения национальной демократии выпала Центральная Азия, о которой Россия вынуждена была вспомнить после определенных событий. Проблема построения сильного государства стала доминантой в этот период развития.

Процессы национально-государственного строительства сопровождались глубоким кризисом идентичности, затронувшим все формы - этническую, культурную, религиозную, гражданскую. Это выразилось в процессах дивергенции, которые не только затронули существо государства, но и пошли вглубь, порождая все новые и новые конфликтные ситуации. Тем самым кризис национально-государственной идентичности не позволял, не просто думать, но и вспоминать об идентичности региональной. Именно поэтому попытки даже изнутри каким-то образом обрисовать контуры региона не стали эффективными. В этой связи призывы президента Казахстана Н.Назарбаева о необходимости использования идеи Евразии в контексте региона не были услышаны. Все государства региона были настолько заняты собственным самоопределением, что подобные идеи тонули в общей атмосфере кризиса и противоречий. Несмотря на стратегическую важность этой идеи, она не могла быть реализована в период активных социальных катаклизмов внутри каждого государства региона. Интересы не пересекались, что не способствовало объединению. Идеи таких проектов, как ШОС и ОДКБ, так или иначе, захватывали региональную идентичность, однако в большей степени проекты были нацелены на решение проблем безопасности в более широком формате через призму все той же геополитики.

Это означает, что первая четверть века суверенитетов была ознаменована исключительно собственным самоопределением государств. Все без исключения республики настолько погрязли в своих противоречиях, что, во-первых, не оставалось сил на провоцирование идеи единства региона, во-вторых, многим из факторов не хватало дальновидности. Эту дальновидность начали проявлять внешние игроки, руководствуясь геополитическими интересами. Пока государства Центральной Азии в определении собственных интересов не могли понять, что развитие региональной идентичности - это хороший выход для всех стран региона,

внешние игроки придумывали свои проекты в отношении Центральной Азии в надежде их реализовать. Наиболее часто употребляемой фишкой стала идея Великого Шелкового пути, которая не давала покоя, и возникло желание разыграть эту карту в провоцировании центральноазиатской идентичности. Именно поэтому географический аспект стал центральным в определении единства региона, кроме того "присоединение" к Центральной Азии такой пороховой бочки, как Афганистан, позволяло определять рычаги воздействия на регион. Однако этот теоретический концепт не получил существенного результата на практике по многим причинам.

Почему необходимо говорить и провоцировать процессы формирования региональной идентичности в Центральной Азии? Региональная идентичность является промежуточным звеном между двумя тенденциями развития бытия во второй половине XX века, которые плавно перетекли в век XXI: глобализацией как отражением универсализации и процессами национально-государственной идентификации. В результате углубления глобализации объективным образом начали еще более актуализироваться проблемы национально-государственной идентичности. Вызовы истории детерминировали становление ответов отдельных государств, культурных систем. В этом отношении региональная идентичность позволяет смягчить требования глобализации, когда им противостоят не отдельные национальные государства, порою неспособные сформировать достойный ответ, а целые регионы. Регион как некая целостность, единство есть своего рода сдерживающий фактор, не позволяющий полностью нивелироваться отдельной культурной системе.

Почему можно предположить, что идея центральноазиатской идентичности получит второй старт? Поскольку острый период национально-государственного строительства позади, появилась определенная стабильность в развитии. Каждое государство имеет опыт и особенности государственного устройства, несмотря на общую для всех стран региона декларацию на развитие демократии.

Почему сейчас с новой силой актуализируется идея центральноазиатской идентичности? Потому что переход глобализации в фазу постглобализации с усилением процессов дивергенции чреват бесконечными конфликтами на более глубоком уровне в рамках каждого государства. Потому что это есть свидетельство бодрствования инстинкта самосохранения: в контексте общности интересов региона выжить будет элементарно легче каждому отдельному государству. Региональная идентичность - более высокий уровень, нежели национально-государственный. Ответ на вызов истории в контексте глобализации сложнее дать отдельному государству и системе культуры, нежели региональной общности. Еще и потому, что одной из бесконечных проблем современности выступает религиозный экстремизм, который не просто имеет виды на регион Центральной Азии, но и имеет некоторые практические действия. Этой страшной силе по отдельности противостоять не представляется возможным.

Что надо иметь в виду, когда речь идет о региональной идентичности Центральной Азии?

- Во-первых, способность сформировать единство внутри региона проявит уровень культуры и понимания каждого государства. Несмотря на общность исторических истоков, территориальной близости, общей социальной памяти и близости культурных ценностей, есть масса отличий, которые специфицируют

побочные факторы региональной идентичности. Именно поэтому это и есть проявление уровня культуры мышления и общения.

- Во-вторых, региональная идентичность Центральной Азии не может быть сформирована извне, с помощью внешних игроков. Скорее всего, такие проекты будут терпеть фиаско. Внешний взгляд на единство и территориальные границы региона не всегда совпадают с внутренней позицией, которая формируется из реальной жизни, изнутри региона. Отличие образа мышления как следствие проецирует различные механизмы формирования единства региона.

Отдельный акцент хотелось бы сделать на теоретический аспект, который при успешном исследовании поможет активизации практической реализации. Для начала было бы неплохо, чтобы основы, возможность формирования региональной идентичности были представлены интеллектуальной элитой. Теоретические разработки необходимы в качестве материала для их преломления в практику реальности, где в первую очередь понадобится политическая воля, прежде всего руководителей государств. В этой связи хотелось бы вспомнить о М.Ауэзове, который на протяжении более двух десятилетий создает прецедент взаимосвязи интеллектуальных элит государств Центральной Азии. Это и есть проявление интеллектуальной воли, которая при успешном моделировании создаст основу для проявления таких связей на государственном уровне.

Национальный уровень

Национальный уровень связан с понятием национального государства, не утратившего свое концептуальное значение в современности, напротив, в определенной степени претерпевающее взлет в последнее десятилетие. Именно национальный уровень отражает самодостаточность государства как геополитической единицы. В этом отношении и востребовано понятие "национального кода", которое может позволить выработать культурные символы, способствующие продвижению вперед.

В этой связи естественным образом возникают вопросы. В чем заключается единство народа и есть ли оно, каким образом это можно "измерить" и как это сказывается на жизнеспособности государства?! Что нас должно объединять? Какие такие неосязаемые символы способны выступить основой единства, без которого немислимо полноценное движение государства, особенно в период глобальных изменений мира вообще? Говорят, что душа нации - это то, что определяется общей историей, традициями, культурой, общими героями, победами и поражениями. Это означает, что история и культура выступают не только теми истоками, которые наполняют существо жизни народа, но и служат базой для формирования, так называемого, стержневого основания национального государства. Идеология же позволяет транслировать национальную идентичность внутри государства и за его пределами. Без истории, без культуры народ - масса, которой можно манипулировать: массу ничего не держит, кроме меркантильных запросов. При этом теряется дух, теряется историческое сознание.

Механизмом ответа народа на вызовы времени выступает способность сохранения и воспроизведения своей традиции в самом высоком значении этого слова. Именно в эпоху становления архетипов формировались традиции ментальных

культур как определенные инвариантные модели восприятия мира. Сама история на протяжении всех тысячелетий слагалась из традиций, которые время от времени обогащались новациями. Потеря традиции для народа означает потерю своего "я", традиции, тем самым, являют собой устои, не позволяющие рассыпаться народу, это способ сохранения духа. Такой аспект понимания истории и общества в настоящем сводится к обновлению феномена традиции, к культивированию тех символов и ценностей, без которых теряется специфика ментальной культуры народа. Интерес к традиции в этом смысле - это не праздное любопытство, а скорее возрождение и подтверждение безусловных для народа ценностей.

В этой связи хотелось бы вспомнить фразу К.Ясперса о том, что "традиция делает нас людьми", и в то же время "традиция может быть полностью утеряна. Традиция уходит корнями в глубины доистории. Она охватывает все то, что не является биологически наследуемым, а составляет историческую субстанцию человеческого бытия" [Ясперс К.1991.с.245]. В этом смысле традиционное означает то, что прошло проверку историческим временем и составляет основу существования в его ценностном выражении. Соответственно, когда утверждается, что необходимо сохранение традиций в их высоком значении, это не означает призыва к архаике, напротив, это означает, что необходимо сохранить устои, без которых глобализация размоет саму систему национальной культуры как культурной основы народа. Прав Б.Малиновский, когда утверждает, что "традиция, с биологической точки зрения есть форма коллективной адаптации общины к ее среде. Уничтожьте традицию, и вы лишите социальный организм его защитного покрова и обречете его на медленный неизбежный процесс умирания" [Токарева,1978.с.246].

В преподнесении важности традиции в преломлении национальных государств, в особенности, традиционный менталитет народов которых продиктован кочевым архетипом, необходимо сделать акцент на то, что актуализация архетипического не означает призыва к кочевью в буквальном смысле слова, а скорее возможность, необходимость и важность использования принципа самоосмысления и восприятия мира предков в контексте современности. Неслучайно Ж.Делез и Ф.Гваттари считают возможным реализацию модели кочевников в социокультурном устройстве и политике современных народов. По мнению французских философов для кочевников характерна книга-корневище - "децентрализованность, множественность, картографичность, незначительный разрыв обеспечивают жизнеспособность этноса, социального устройства" [Бакиева Г.А. 2000.с.85]. Имеется в виду, что если для оседлых народов характерна четко выраженная вертикаль развития, когда при лишении корня можно говорить об исчезновении народа с карты человечества; то кочевники, в виду своеобразия образа жизни сумели обеспечить для себя некий иммунитет в развитии, когда некоторые разрывы не приводят к исчезновению вообще.

Вместе с этим возникает идея относительно проявления идентичности у кочевых народов. Существующая вертикаль развития оседлых народов обусловила более глубокую традицию идентификации. Возможно, этим объясняется акцент на древность истории и соответственно уверенную самодостаточность представителей как западных, так и восточных культур. У кочевых народов же преемственность поколений находила отражение в памяти, тем самым концентрируя силу выражения удивительно восприимчивого сознания. Память

как живая связующая нить поколений выступала критерием глубины кочевого самосознания, масштабности развития культуры. Самосознание вырабатывалось в результате постижения духа прошедших эпох, прошлых поколений; при этом культ предков выступал неким духовно-символическим проводником в постижении тайн космического мироощущения. Однако институты идентичности кочевников (к примеру, кыргызов как кочевников) не были четко выражены, возможно, причиной этому была изначальная толерантность как проекция гармонии человека и природы, что при преломлении в социальную структуру обусловило выработку абсолютной гибкости в восприятии другого. Это был плюс кочевников, который, однако, негативно сказался на собственном самообозначении в бытии других.

Отдельным аспектом в проецировании национального уровня выступает культивирование гражданской идентичности для полиэтнических обществ. В этом смысле проекты "кыргыз жараны" в Кыргызстане и "туган жер" в Казахстане и есть реальные примеры, способствующие формированию единой нации.

В пределах государства или общества есть смысл говорить о гражданской идентичности как критерии идентификации человека как члена определенного общества. В данном случае речь идет о целостности общества как самостоятельного социального института, с которым себя индивид идентифицирует. Гражданская идентичность тесно связана с патриотизмом, проявляющим нераздельное единство человека именно с этим обществом, когда находят выход чувства собственного достоинства и гордость за принадлежность к данному обществу или государству. Патриотизм является важной составляющей гражданской идентичности. Существование его говорит о стабильности развития государства. Однако, существует лимит патриотизма, связанный с гарантией безопасности, приоритета прав человека, заботой государства о своем члене - гражданине. В этом смысле патриотизм - достаточно динамичная и гибкая категория, она выступает камертоном взаимоотношения личности и государства как двух равноправных составляющих, т.е. существует диалектика развития человека и государства. Кризис государственного развития с неизбежностью порождает и кризис гражданской идентичности.

Понятие "кризиса идентичности" функционирует как на гражданском уровне, так и культурном. Кризис идентичности есть следствие потери востребованности и значимости самоопределения человека в пределах общества или культуры. Такая сложившаяся ситуация социокультурной реальности требует проверку историческим временем: ответом на вызов современности в ее политическом и социальном значении и служат новые гражданские идентичности различных государств, достойность ответов которых будет определена спустя историческое время. В данном случае гражданская идентичность сродни общественному самосознанию: насколько высок его уровень, настолько и адекватен он миру глобального бытия. Проблема формирования гражданского общества в рамках независимого национального государства чрезвычайно актуальна в проекции плюрализма и диалога культур. В этом отношении акцент делается на гражданской и культурной идентичности как основополагающих механизмов самоопределения и самореализации общества.

Общество Кыргызстана полиэтнично и поликультурно. В данном ракурсе содержательную часть полиэтничности, а соответственно и поликультурности общества составляют проблемы сохранения этнического многообразия и

обеспечения устойчивого этнического развития всех групп на базе гражданского единства, объединяющего всех представителей всех наций и этносов. Поликультурное общество в качестве центральной формирующей основы видит принцип многообразия, т.е. культурное многообразие как свобода и представленность различных форм культурных общностей, однако это не разрозненное многообразие, а напротив, единое в своей целостности. Это предусматривает необходимость признания и рассмотрения не только различий культурных общностей, но и их схожести, что вполне возможно и тем самым схожесть осуществляет механизм взаимопонимания и единства, несмотря на культурные различия.

Этническая идентичность является одной из разновидностей культурной идентичности, при этом она с необходимостью взаимосвязана и с гражданской идентичностью. В этом смысле прав В.А.Тишков, утверждающий, что "Общенациональной идеей и основанной на ней политической стратегией должна быть формула "единства в многообразии" как фундамент многоэтнического общества и внутренней политики культурного плюрализма" [Тишков В.А.2005.с.49]. Данная формула отражает по существу содержательную определенность поликультурного общества, т.е. это общество, сформированное по критерию культуры, соответственно оно детерминирует в качестве основополагающей ценности толерантность - понимание и признание индивидуальности определенной культурной целостности и вследствие этого терпимость к проявлению инаковости как одного из множества спектров реализации "Я" культуры. Это признание не только культурной сложности групп, но и главное - принятие феномена культурной сложности на уровне отдельного человека, т.е. "культурное многообразие как многообразие форм человеческой идентификации, включая существование культурной сложности на уровне индивида и на уровне коллектива" [Тишков В.А. 2005. с.303].

Заключение

Таким образом можно сделать следующий вывод: в данном ракурсе содержательную часть полиэтничности, а соответственно и поликультурности общества составляют проблемы сохранения этнического многообразия и обеспечения устойчивого этнического развития всех групп на базе гражданского единства, объединяющего всех представителей всех наций и этносов. Идентичность индивидуальна, но вместе с тем она есть продукт социального взаимодействия: "членом этнической группы - и тем самым носителем определенной этнической идентичности - индивидов делает не происхождение (биологическое или культурно-историческое), а та роль, которую эти индивиды играют в социальном взаимодействии. Идентичность есть не свойство, а отношение. Отсюда следует ее открытость и подвижность" [Малахов, В.2005.с.12]. Тем самым проявление этнокультурной идентичности является составной частью общегражданской идентичности.

Хотелось бы подчеркнуть, что если в проекции мира вообще на сегодняшний день необходимо центрирование диалога, поскольку диалог выступает парадигмой современной эпохи; на уровне актуально обновление региональной идентичности, то на уровне отдельного государства жизненно необходима выработка и продвижение культурных символов.

Библиография

- Урманбетова Ж. (1999). 'Актуальные вопросы глобализации'. *Мировая экономика и международные отношения*. №4. С.67-78.
- Бакиева Г.А. (2000). 'Социальная память и современность'. - Бишкек, Илим, с. 452.
- Малахов В. (2005). 'Символическое производство этничности и конфликт'. *Идентичность: поиск, производство и воспроизводство* - Бишкек., с.345.
- Бакиева Г.А. (2003). 'Основы этнического развития Кыргызской Республики (Проект Концепции). *Этнический мир*. Информационно-аналитический бюллетень, №4.с.27-32.
- Тишков В.А. (2005). 'Этнология и политика'. - М., Академический проспект, с.456
- Токарев С.А. (1978). 'История зарубежной этнографии'. - М., Высшая школа, с.234.
- Яковец Ю.В. (2003). 'Глобализация и взаимодействие цивилизаций'. - М., Прогресс.с.123
- Яковец Ю.В. (2004). 'Эпохальные инновации XXI века'. - М., Проспект, с.45
- Ясперс К. 1991. 'Смысл и назначение истории'. - М.: Политиздат,.-С.141

Transliteration:

- Urmanbetova G. (1999)'Actual problems of globalization'. *World economy and international relations*.№4.P.67-78.
- Bakieva G.A. (2000). 'Social memory and modernity'. - Bishkek, Ilim, with. 452.
- Malakhov V. (2005). 'Symbolic production of ethnicity and conflict' // *Identity: search, production and reproduction* - Bishkek., P.345.
- Bakieva G.A. (2003). 'Fundamentals of ethnic development of the Kyrgyz Republic' (Draft Concept). *Ethnic World. Informational and analytical bulletin*, №4. p. 27-32.
- Tishkov V.A. (2005). 'Ethnology and politics'. - M., Academic Prospect, p.456
- Tokarev S.A. (1978). 'The history of foreign ethnography'. - M., High School, p.234.
- Yakovets Yu.V. (2003). 'Globalization and interaction of civilizations'. - M., Progress. p.123
- Yakovets Yu.V. (2004). 'Extraordinary innovations of the XXI century'. - M., Prospekt, p.45
- Jaspers K. 1991. 'The meaning and purpose of history'. - Moscow: Politizdat, - P.141

Урманбетова Жылдыз, (Киргизистон, Бишкек)

Маданий идентиклик: глобал, минтақавий ва миллий даражалари

Аннотация. Ҳозирги даврда идентиклик муаммоси янада долзарб муаммога айланмоқда. Зеро, бир томондан глобаллашув таъсирида дунё ягона маданий дунёга интеграциялашмоқда, иккинчи томондан миллий идентикликни сақлаш муҳим омилга айланмоқда. Дарҳақиқат, ҳозирги давр борлиғи нуқтаи назаридан идентиклик инсон, давлат қурилиши ва тарих синовларининг моҳиятини тушуниш воситаси сифатида намоён бўлмоқда. Маданий тараққиёт идентикликнинг барча кўринишларида, хусусан фуқаролар ва миллий маданиятда ўз ифодасини топади, бу билан маданият дунё, баъзи халқлар ва давлатларнинг детерминанти сифатида намоён бўлади. Идентиклик ривожига ҳақида умумий тасаввурга эга бўлиш учун унинг учта муҳим жиҳатини ажратиш лозим: глобал, минтақавий ва миллий. Шу боис, ушбу мақолада биз идентикликнинг глобал, минтақавий ва миллий даражаларини таҳлил этишга ҳаракат қиламиз.

Таянч сўзлар: Марказий Осиё, идентиклик, глобализация, цивилизация, технология, универсал қадриятлар, коммуникация, танлаш эркинлиги, макон.

